

Неврологические аспекты научного творчества основоположника отечественной внутренней медицины

М.Я. Мудрова

К 230-летию со дня рождения

А.А. МИХАЙЛЕНКО, Г.Ф. СЕМИН, Ю.С. ИВАНОВ, А.В. КАШИН

Neurological aspects of the scientific work of M.Ya. Mudrov, a founder of national general medicine. To the 230th anniversary of birth

A.A. MIKHAILENKO, G.F. SEMIN, YU.S. IVANOV, A.V. KASHIN

Кафедра нервных болезней Военно-медицинской академии, Санкт-Петербург

Заслуги замечательного русского врача Матвея Яковлевича Мудрова в становлении и плодотворном развитии отечественной медицины высоко оценивались современниками и потомками [1, 2, 3, 6, 8, 12—14]. Не случайно его называли отцом русской терапии.

Как крупнейший клиницист первой половины XIX века М.Я. Мудров заслужил также славу «одного из лучших медицинских деятелей» не только Московского университета, но и всей России [9, 15]. Г.А. Колосов [6] справедливо полагал, что М.Я. Мудров «безусловно принадлежит к числу самых выдающихся представителей русской науки ... к замечательным русским людям Ломоносовского типа» (с. 1208—1209). Он первым в России [2, 5, 6, 13, 14] ввел преподавание военно-полевой медицины — военной гигиены; терапии болезней, «в лагерях и госпиталях наиболее бывающих»; «делоручие» (хирургии) повреждений, «на поле бранном наносимых». Он является первым русским автором [2, 6] руководства по военно-полевой хирургии (1808 г.). К сказанному можно также добавить, что М.Я. Мудров одним из первых отечественных клиницистов стал устанавливать связь клинических проявлений заболевания с патологической анатомией.

К несомненным заслугам М.Я. Мудрова относят и преподавание нервных болезней в Московском университете в 1809—1831 гг. [10], т.е. задолго до создания специализированных кафедр. Нервные болезни были тогда составной частью внутренней медицины и излагались интернистами в рамках курса этой дисциплины.

Произведения самого М.Я. Мудрова содержат немало оригинальных и глубоких суждений, характеристик и рекомендаций, касающихся этиологии, патогенеза, систематизации, лечения, профилактики и других аспектов болезней нервной системы. Но к та-

ким болезням в полной мере могут быть отнесены и общие принципы сохранения здоровья и лечения по М.Я. Мудрову.

Врачебное «попечение» по М.Я. Мудрову [11]¹ заключается «в предохранении от болезней, лечении больных и успокаивании изувеченных» (с. 142). Сохранению здоровья и предупреждению болезней автор придавал исключительное значение и был убежден, что «гораздо легче беречь, нежели возвращать потерянное здоровье» (с. 132). Первым условием для сохранения здоровья («богописанный рецепт для здоровья роду человеческому») автор полагал активный образ жизни и достаточный уровень двигательной активности: «в поте лица твоего снеси хлеб твой» (с. 213). Труд автор рассматривал не только как нравственную обязанность каждого человека, но и как основное условие для поддержания здоровья. Профилактику негативных последствий гипокинезии и положительные «душевные движения» автор относил к важнейшим факторам сохранения здоровья. Он призывал опасаться, чтобы праздность и бездействие не отягощали человека более, нежели труд. В свободное время, в частности, рекомендовалось заниматься «играми и веселостями», которые способны рассеять горе, тоску, чувство одиночества и «освежить тело». М.Я. Мудров утверждал: «для сохранения здоровья... нет ничего лучше упражнений телесных» (с. 139), а также полезно купание в реке, «наипаче для укрепления нервов» (с. 157). Эти представления М.Я. Мудрова корреспондировали со взглядами некоторых его предшественников в Московском университете [4].

Вступающим на «поле познания и лечения болезней» М.Я. Мудров рекомендовал прежде всего обращать внимание на три вещи: «на свойство больного», «на действие причин болезненных», «на самую болезнь». И далее следует его широко известная афориз-

стическая дефиниция: «врачевание не состоит ни в лечении болезни, ни в лечении причин... врачевание состоит в лечении самого больного» (с. 220) и ее развитие в положении — «Одна и та же болезнь, но в двух различных больных, требует весьма разнообразного врачевания» (с. 113). Эти глубокие суждения М.Я. Мудрова снижали особенную благосклонность современников [3].

Приведенная довольно категоричная формула М.Я. Мудрова вовсе не означала, что автор недооценивал значения и важности исследования «причин болезненных» и «самой болезни». Достаточно вспомнить, что он относится к числу первых отечественных медиков, которые ввели в широкую клиническую практику подробный расспрос больного, детальный сбор анамнестических сведений, настаивали на необходимости патологоанатомического изучения болезней.

При изучении «действия причин болезненных» М.Я. Мудров акцентировал внимание на возможности болезней как «от телесных причин», так и «от душевных возмущений»: «люди, водимые страстями и похотью» («гладом и объядением, пьянством и ленью... полуночными пиршествами, напряжением ума... душевными возмущениями, гневом и злобью, завистью и честолюбием... ревностью или отчаянием и всякими печальями житейскими»), «искажают и самый чин естества» и обрекают себя на многие и серьезные заболевания (сходное суждение по искомой проблеме высказывал и С.Г. Зыбелин [7]).

М.Я. Мудров предупреждал, что, распознавая болезненные причины, исследователь не должен упускать из виду: «болезни юности и греха неведения» могут «открываться только в мужестве, а «труды, подъятые в мужестве, отзываются в старости».

Таким образом, к многочисленным причинам, которые «и не смертельные раны делают смертельными» (холод, жара, дождь, жажда, голод и др.), М.Я. Мудров относил и факторы психологического характера (уныние, страх, боль, томительное ожидание и т.д.). Поэтому он настоятельно рекомендовал уже на инициальных стадиях болезни стремиться не допускать «до страха и печали»: «неприятные чувства предрасполагают тело к приятию заразы... напротив радость, уверенность в безопасности и надежды на Бога и врача в опасности способствуют к ее избеганию» (с. 159).

Вступающим на поприще «юдоли плачевной» М.Я. Мудров рекомендовал «очистить чувства» и мобилизовать возможности органов чувств. Очи должны «взирать токмо на страждущие лица больных... на раны, язвы, сыпи» (с. 215). Ухо должно быть «чутко и в полунощи» и в любое другое время к зову о помощи. «Язык твой, сей малый, но дерзкий уд, обуздай на глаголы непотребные и на словеса лукавствия» (с. 216). Обоняние должно быть чувствительно к «зловонному воздуху» и «всем извержениям» пациента. «Прикосновением перстов твоих познай волнение крови, обременение мозга, слабость чувственных жил» (с. 217). Подобные навыки и умения «наружных чувств» достигаются путем длительного, упорного и кропотливого труда «при постелях больных» в течение многих лет.

Приступая к познанию «строения болезни», к изучению свойств болезни, целитель не должен за-

бывать, что болезнь как «существо живое» «говорит о себе в переменах, показывает себя в поприщах, являет силу свою в возмущениях». Это предполагало, в частности, необходимость подробного изучения анамнеза. Этим искусством многие отечественные терапевты владели в совершенстве.

М.Я. Мудров писал, что для исследования и уточнения начала и течения заболевания рекомендуется «допросить больного: когда болезнь его посетила в первый раз; в каких частях тела показала первые ему утеснения; вдруг ли напала как сильный неприятель, или приходила, еко тать в нощи? Где перее показала свое насилие... Какие с того времени ежедневные происходили перемены и какие употреблены врачевания, с пользою или со вредом?» (с. 231). Далее рекомендовалось не поверхностно и бегло, а внимательно и подробно изучить «настоящее положение болезни», а для сего врачу должно «пробежать все части тела больного, начиная с головы до ног». «Перее всего надобно уловить наружный вид больного и положение его тела, а потом исследовать действия душевные, зависящие от мозга: состояние ума, тоску, сон; взглянуться в лицо его, глаза, лоб, щеки, рот и нос, на кои часто, как на картине, печатлется и даже живописуется образ болезни» (с. 231—232). Далее, осмотрев «вывеску желудка» (язык), необходимо исследовать «все внутренности» и «все извержения» больного. Автор привлекал внимание к такому клиническому феномену, сопряженному с патологией нервной системы: «от боли в одной части делается страдание и в другой, сие бывает... чрез сочувствие нервов» (с. 191). Выявляемая при обследовании у пациента «невнятность разговора» по убеждению автора часто «происходит от расстройства головы».

Классификация болезней М.Я. Мудрова, включавшая острые (4 класса) и продолжительные (8 классов) формы, содержит разделы болезней нервных и судорожных.

Успешное распознавание болезни предопределяло целенаправленную лекарственную терапию. Однако М.Я. Мудров справедливо считал, что неправильно «здравие полагать в одних только аптекарских склянках» (с. 244). При использовании медикаментов иногда полезнее самого лекарства бывает сопутствующее лечение «восхищение, радость и уверенность» (с. 240).

При оказании врачебной помощи М.Я. Мудров рекомендовал обязательно учитывать психологические особенности пациентов: «богатым помогает продолжительное употребление лекарств дорогих, а бедным малозначащее пособие приносит скорую пользу» (с. 213).

Исключительное значение М.Я. Мудров придавал психотерапии, лечебному воздействию слова, «душевным лекарствам, которые врачуют тело». «Сим искусством печального утешить, сердитого умягчить, нетерпеливого успокоить, бешеного остановить, дерзкого испугать, робкого сделаешь смелым, скрытного откровенным, отчаянного благонадежным. Сим искусством сообщается больным та твердость духа, которая побеждает телесные боли, тоску, метание и которая самые болезни, например нервические, иногда покоряет воле больного» (с. 244).

М.Я. Мудров был убежден, что врач, знающий свое дело, должен обладать умением утешать и успокаивать больных с любовью, к больному всегда войти «с веселым и утешительным лицом». Больные, страдая и отчаиваясь, «от одного страха смерти умирают» (с. 188). Страху и отчаянию пациентов врач должен уметь противопоставить «ненарушимое спокойствие лица и духа при опасности больного» (с. 204). «Хорошо воспитанный врач» должен также заниматься «успокоением и поучением» окружающих, людей, которые обычно с шумом собираются около больного. Важнейшая лечебная рекомендация, способствующая скорейшему выздоровлению, по мнению автора, состояла «в удалении больного от забот домашних и печалей житейских, кои сами по себе суть болезни» (с. 243). Иначе говоря, умелый и опытный врач — тот, кто «не только себя одного показал деятельным и прочным помощником больному, но и самого больного и предстоящих и все вещи, его окружающие» (с. 173).

Изложенные суждения и рекомендации дали основание некоторым исследователям [2] считать М.Я. Мудрова одним из основоположников отечественной психотерапии. Эта сторона клинической деятельности замечательного врача высоко оценивалась и другими авторами [6]: М.Я. Мудров «...был психолог, входил и хорошо понимал психику больного... хорошо знал московское общество» (с. 237). В понимании значения и роли психического воздействия в терапии болезней М.Я. Мудров значительно опередил современников [13].

При планировании врачебных вмешательств М.Я. Мудров призывал к адекватности лечебных мероприятий состоянию пациентов. В частности, кровопускание, рвотные, слабительные и потогонные «при малых болезненных припадках» и на начальных этапах болезни могут быть вредны, и от них «незначительная болезнь может сделаться «важною». Среди частных неврологических лечебных рекомендаций у М.Я. Мудрова встречаем «лекарства усыпляющие или ве-

селящие, они называются головными и действуют на мозг и нервы» (с. 242). При интенсивной головной боли автор считал целесообразным прикладывать к голове «холодные припарки». Локальная церебральная гипотермия («обертывать голову тряпками, намоченными в холодной воде») рекомендовалась холерным больным при лечении в бане, «дабы жаром не усилить прилива крови к мозгу» (с. 293). Во время судорог и конвульсий следовало натирать «сводимые оными части тела» настойкою стручкового перца, камфорным спиртом, скипидаром или нашатырным спиртом; для борьбы с болью использовались препараты опиума.

Выдающийся врач провидчески утверждал, что во врачебном искусстве нет врачей, окончивших свою науку, так как «наука не стоит на одном месте; она, подобно великой реке, беспрестанно течет вперед и ничем остановлена быть не может» (с. 277). Поэтому врач оставаться на высоте требований может только «чрез непрерывное упражнение себя в изучении... наук, чрез деятельное приспособление снисканных... сведений к врачеванию больных и чрез беспрестанное исследование природы и места болезней» (с. 264).

М.Я. Мудров, талантливый ученый и блестящий медицинский организатор, еще в 1820 г., т.е. до выхода на арену отечественной медицины Н.И. Пирогова и И.М. Сеченова, С.П. Боткина и Г.А. Захарьина, И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, утверждал «как самовидец», что «наше врачебное благоустройство не уступает в совершенстве ни одному блистательному заведению в Европе» (с. 254). Современники платили ему сторицей и написанный в связи с его смертью некролог [6] содержит слова трогательного обязательства: «Пока мы будем любопытны о медицине, об успехах ее, доколе будем признательны к заслугам Мудрова» (с. 1207). М.Я. Мудров [6] — «истинный патриот, разумеющий честь и славу своих соотечественников» (с. 43), «человек в высоком смысле этого слова» (с. 302), заслуживает того, чтобы потомки следовали его примеру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов Н.М. Очерк истории кафедры частной патологии и терапии внутренних болезней в Императорском Московском университете за 1755—1905 гг. М: Типография Вильде 1909.
2. Гукасян А.Г. Мудров — основоположник отечественной внутренней медицины. М.Я. Мудров. Избранные произведения. М: Изд-во АМН СССР 1949; 5—116.
3. Гүфеланд Х.В. Система практической врачебной науки: перевод с немецкого Д. Левитского. М: Типография Н.С. Всеволожского 1811; 1: 587, 1812; 2: 786.
4. Зыбелин С.Г. Избранные произведения. М: Государственное издательство медицинской литературы 1954.
5. Кованов В.В., Аникина Т.И. История кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии Московского университета и 1 Московского ордена Ленина медицинского института имени И.М. Сеченова. М: Медгиз 1957.
6. Колосов Г.А. Проф. Матвей Яковлевич Мудров. Его личность, научно-общественная деятельность и значение для русской медицины. Русский врач 1914; 35: 1207—1210; 36: 1220—1222; 37: 1240—1242; 39: 1289—1290; 40: 1314—1315; 41: 1336—1338; 42: 1359—1361; 44: 1408—1409; 46: 1458—1459; 47: 1483; 49: 1531—1532; 50: 1555—1556; 1915; 1: 18; 2: 42—43; 3: 65—66; 4: 91—92; 6: 138—139; 7: 163; 10: 236—237; 12: 283—285; 13: 300—302.
7. Колосов Г.А. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. Сов клин 1932; 7: 2—3: 94—95: 127—139.
8. Кончаловский М.П., Смотров В.Н. Роль деятелей Московского университета в развитии клинической медицины. Клин мед 1940; 18: 12: 3—13.
9. Куцев Н. Профессор М.Я. Мудров. Врачебное дело 1928; 17: 1305—1307.
10. Лисицын Ю.П. А.Я. Кожевников и московская школа невропатологов. М: Медгиз 1961.
11. Мудров М.Я. Избранные произведения. М: Издательство АМН СССР 1949.
12. Смотров В.Н. Очерки из истории терапевтической школы Московского университета. Сов мед 1940; 17: 8—12.
13. Смотров В.Н. Мудров. М: Государственное издательство медицинской литературы 1947.
14. Шевырев С. История Императорского Московского университета (1755—1855). М: Университетская типография 1855.
15. Эдельштейн А.О. 175 лет Первого Московского института. Сов мед 1940; 17: 4—7.